

могъ желать и добраго и злаго; не безъ награды, если (желаетъ) добраго, не безнаказанно, если—злого. Вислѣдствіи же будетъ такъ, что зла онъ не будетъ въ состояніи желать, хотя свободы воли отъ этого не лишится. Даже гораздо свободнѣе будетъ та воля, которая совсѣмъ не будетъ въ состояніи служить грѣху. И не нужно порицать волю, не нужно говорить, что воли нѣтъ, или что она—несвободна, коль скоро мы такъ желаемъ быть счастливыми, что не только не хотимъ себѣ несчастья, но и не можемъ совсѣмъ хотѣть. Слѣдовательно, какъ душа наша и теперь не желаетъ несчастья, такъ всегда могла бы не желать и нечестія. Однако не долженъ былъ быть нарушенъ тотъ порядокъ, въ которомъ Богъ восхотѣлъ показать, какое благо—разумное живое существо и могущее не грѣшнить (*posse non peccare*), хотя лучшимъ является существо не могущее грѣшнить (*non posse peccare*); такъ же какъ меньшее было безсмертіе, но все-таки было, когда оно (разумное существо) могло и не умирать (*posse non mori*), хотя было бы большимъ, если бы оно не могло умирать (*non posse mori*).

Глава СѢ. *Для свободнаго произволенія благодать необходима въ первомъ и во второмъ состояніи.*—Перваго природа человѣческая липилась по свободному произволенію, второе могла бы имѣть по благодати, которую, если бы не согрѣшила, получила бы по заслугѣ; хотя безъ благодати и тогда не могло быть никакой заслуги. Потому что, хотя въ основѣ грѣха лежала одна только свободная воля, однако для сохраненія праведности свободной воли было недостаточно, если бы постояннымъ участіемъ въ добрѣ не подавалась божественная помощь. Ибо какъ умереть человѣкъ властенъ всегда, когда захочетъ, такъ какъ нѣтъ никого, кто бы не могъ самъ себя (чтобы не сказать чего-либо иного) умертвить. прекративши питаніе, для сохраненія же жизни въ томъ случаѣ, если недостаетъ содѣйствія пищи или банихъ-либо средствъ защиты, воли недостаточно; такъ человѣкъ въ раю

способенъ былъ, оставивши праведность, добровольно умертвить себя, для сохраненія же праведной жизни одного желанія его было мало, если бы не помогаль Тотъ, Кто сотворилъ его. Но послѣ того паденія милость Божія имѣеть большее значеніе, такъ какъ должна быть освобождена отъ рабства и сама воля, надъ которою со смертью властвуетъ грѣхъ. И конечно освобождается она не сама по себѣ, но только при помощи благодати Божіей, основанной на вѣрѣ во Христа; такъ что отъ Господа уготовляется, какъ написано, сама воля (Притч. 8, 35 по LXX), которая могла бы получать прочіе дары Божіи, а чрезъ эти дары можно было бы приходять къ вѣчному духу.

Глава СѸП. *Вѣчная жизнь—награда и въ то же время—даръ. Исполненіе воли Божіей о согрѣшающемъ человѣкѣ.*—Отсюда и самую вѣчную жизнь, которая дѣйствительно есть награда за добрыя дѣла, апостолъ называетъ даромъ Божіимъ: „*ибо воздаяніе (stipendium), говоритъ, за грѣхъ смерть, а даръ Божій -- жизнь вѣчная во Христѣ Іисусѣ, Господѣ нашемъ*“ (Рим. 6, 23). Жалованье (stipendium) за военную службу платится какъ должное, а не дается даромъ; поэтому сказалъ: „*воздаяніе за грѣхъ смерть*“, чтобы показать, что смерть опредѣлена за грѣхъ не незаслуженно, но какъ нѣчто должное. Даръ же, если не даромъ, уже не есть даръ. Слѣдовательно и самыя добрыя заслуги человѣка нужно считать дарами Божіими; и когда за нихъ воздается вѣчная жизнь, что иное воздается, какъ не благодать на благодать (Іоан. 1, 16)? Слѣдовательно, человѣкъ созданъ совершеннымъ такъ, что и оставаться въ этомъ совершенствѣ *могъ* не безъ божественной помощи, и извратить себя *могъ* по собственному желанію. Что бы онъ ни избралъ изъ этого, исполнялась бы воля Божія, исполнилась бы или имъ, или вѣрище о немъ. Поэтому и въ томъ, что онъ болѣе пожелалъ поступить по своей волѣ, чѣмъ по волѣ Божіей, о немъ исполнилась воля Бога, Который изъ

одной и той же массы погибели, происшедшей отъ того корня, дѣлаетъ одинъ сосудъ въ честь, другой въ поруганіе (Рим. 9, 21); въ честь—по милости, въ поруганіе—по суду, чтобы не хвалился никакой человѣкъ; и притомъ (дѣлаетъ) черезъ него (т. е. человѣка), а не Самъ по Себѣ.

Глава СѴІІІ. *Богъ настолько—виновникъ нашего спасенія, что мы не были бы искуплены и Христомъ, если бы Онъ не былъ Богомъ.* Ибо мы не были бы избавлены и черезъ самого единого Ходатая Бога и человѣковъ, Человѣка Иисуса Христа (1 Тим. 2, 5), если бы Онъ не былъ и Богомъ. Когда сотворенъ былъ Адамъ, именно человѣкомъ совершеннымъ, Ходатая не нужно было. Когда же грѣхи далеко удалили отъ Бога родъ человѣческой, мы должны были снова соединиться съ Богомъ даже до воскресенія плоти въ вѣчную жизнь черезъ Ходатая, Который одинъ только родился безъ грѣха, жилъ, былъ умерщвленъ для того, чтобы черезъ уничтоженіе Бога обнаружить и уврачевать человѣческую гордость, и чтобы показать человѣку, какъ далеко онъ отступилъ отъ Бога, когда снова призывался воплотившимся Богомъ, и чтобы представить примѣръ послушанія непокорному человѣку черезъ Человѣка Бога, и чтобы съ принятіемъ Единороднымъ образа раба, не заслужившаго прежде ничего, открылся источникъ благодати и въ Самомъ Искупителѣ было бы предугазано, обѣщанное искупленнымъ, воскресеніе плоти, чтобы диаволъ былъ побѣжденъ черезъ ту самую природу, обманувъ которую онъ радовался; и однако чтобы человѣкъ не хвалился, да не возродилась бы въ немъ гордость, и иное что, если можетъ быть замѣчено или сказано болѣе способными о такомъ великомъ таинствѣ Ходатая, или только—замѣчено, а выражено быть не можетъ.

Глава СІХ.—29. *Хранилище душъ до воскресенія.* Въ теченіе времени, которое лежитъ между смертью человѣка и послѣднимъ воскресеніемъ, души содержатся въ нѣкоторыхъ сокровенныхъ мѣстахъ, смотря по тому, чего каждая изъ

нихъ достойна, или въ покоѣ, или въ тяготахъ, соотвѣтственному тому, чего заслуживаютъ онѣ, живя въ тѣлѣ.

Глава СХ. *Въ какомъ случаѣ и кому приносятъ пользу жертва алтаря и милостыни за почившихъ.*— И не нужно отрицать, что души почившихъ получаютъ облегченіе по любви остающихся въ живыхъ родственниковъ, когда за нихъ приносится жертва Ходатая или совершаются милостыни въ церкви. Но эти жертвы и милостыни приносятъ пользу тѣмъ, которые при жизни заслужили того, чтобы онѣ потомъ могли быть полезными имъ. Ибо бываетъ иногда образъ жизни и не настолько хорошій, чтобы человѣкъ не имѣлъ нужды въ нихъ послѣ смерти и не настолько дурной, чтобы онѣ не могли принести ему пользы послѣ смерти; бываетъ же образъ жизни настолько хорошій, что человѣкъ въ нихъ не имѣетъ надобности, и наоборотъ настолько дурной, что онѣ уже становятся недостаточными для обязанности помощи ему, когда онъ изъ этой жизни отойдетъ. Поэтому здѣсь готовится всякая заслуга, по которой кто-нибудь будетъ въ состояніи послѣ этой жизни получить или облегченіе или затрудненіе. Пусть же никто не надѣется по своему отшествіи заслужить у Бога то, о чемъ будетъ не радѣть здѣсь. Слѣдовательно, то, что Церковь часто совершаетъ для облегченія почившихъ, не противорѣчитъ апостольскому изреченію, въ которомъ сказано: „*ибо всѣ мы предстанемъ предъ судилищемъ Христовымъ. чтобы каждому получить соответственно тому, что онъ сдѣлалъ, живя въ тѣлѣ, или доброе, или худое*“ (2 Кор. 5, 10. Рим. 14, 10). Потому что и эту заслугу каждый приготовилъ себѣ, живя въ тѣлѣ, чтобы жертва и милостыни могли принести ему пользу. Ибо онѣ не всѣмъ помогаютъ; и почему же помогаютъ не всѣмъ, если не по причинѣ различія жизни, какую каждый провелъ въ тѣлѣ? Слѣдовательно, если приносятся жертвы алтаря или какія-либо милостыни за всѣхъ крещенныхъ усопшихъ, то за вполне добрыхъ онѣ служатъ

выраженіемъ благодаренія, за не совѣмъ худыхъ — умилости-влеченіемъ, за совершенно худыхъ, хотя нисколько не помогаютъ усощимъ, — нѣкоторымъ утѣшеніемъ живымъ. Тѣмъ же кому онѣ приносятъ пользу, онѣ способствуютъ или полному помилованію или болѣе снисходительному осужденію.

Глава СХІ *Два царства послѣ осужденія или ни вѣчное блаженство, или на вѣчныя мученія.* — Послѣ же воскресенія, когда совершится всеобщій и окончательный судъ, будутъ имѣть свои опредѣленныя границы два царства, одно Христа, другое діавола, одно (царство) добрыхъ, другое злыхъ; и однако оба (царства) ангеловъ и людей. Первые (т. е. добрые ангелы и люди) не будутъ имѣть желанія, вторые (т. е. злые ангелы и люди) никакой возможности грѣшить, или никакого условія для смерти; первые, живя блаженно въ вѣчной жизни, вторые, мучительно оставаясь въ вѣчной смерти безъ возможности умереть, потому что и тѣ и другіе — безъ конца. Но первые будутъ пребывать въ блаженствѣ одинъ выше другого, вторыя же будутъ претерпѣвать мученія одинъ легче другого.

Глава СХІІ. *О томъ, что наказаніе осужденныхъ будетъ вѣчно.* — Итакъ, напрасно нѣкоторые, даже весьма многочисленные, по человѣческой благожелательности сострадають вѣчному наказанію и непрестаннымъ безъ ослабленія мученіямъ осужденныхъ и не вѣрятъ, что они будутъ именно таковыми (см. „О градѣ Божіемъ“, кн. XXI, гл. 18 и 24). Не ставясь въ явное противорѣчіе съ божественными писаніями, они, по своему усмотрѣнію, обходятъ все суровое, что, по ихъ мнѣнію, сказано скорѣе для устрашенія, и останавливаются на болѣе мягкомъ изреченіи. „*Не забудеть*“, говорятъ они, „*миловать Богъ, или не удержитъ во гнѣвъ Своемъ щедроты Свои*“ (Псал. 76, 10). Хотя это читается въ святомъ псалмѣ, но несомнѣнно здѣсь разумѣются тѣ, которые называются сосудами милосердія, потому что и они освобождаются отъ страданія не по заслугамъ своимъ, но

милующимъ Богомъ. Или если полагають, что это относится ко всѣмъ, то и въ такомъ случаѣ нѣтъ необходимости думать, что можетъ окончиться осужденіе тѣхъ, о комъ сказано: „и пойдуть сіи въ муку вѣчную“ (Мат. 25, 46); равнымъ образомъ, нѣтъ необходимости думать, что когда нибудь будетъ имѣть конецъ и блаженство тѣхъ, о комъ наоборотъ сказано: „праведники же въ жизнь вѣчную“. Но пусть, если угодно имъ, думаютъ, что наказанія осужденныхъ до нѣкоторой степени смягчаются въ извѣстные промежутки времени. Можно понимать такъ, что на нихъ пребываетъ гнѣвъ Божій (Іоан. 3, 36), т. е. само осужденіе (ибо это называется гнѣвомъ Божиимъ, а не возмущеніе Божеской души); такъ что во гнѣвѣ Своемъ, то есть хотя гнѣвъ Его остается, Онъ однако не можетъ удержать Своихъ щедротъ, не дарованіемъ конца вѣчному мученію, но примѣненіемъ или употребленіемъ по временамъ средствъ къ облегченію мученій. Потому что и псаломъ не говоритъ: до окончанія гнѣва Своего, или послѣ гнѣва Своего, но „во гнѣвъ Своемъ“. Если бы этотъ гнѣвъ былъ только одинъ, онъ можетъ быть мыслимъ какъ нѣчто самое меньшее въ данномъ случаѣ; погибель для царствія Божія, изгнаніе изъ града Божія, отчужденіе отъ жизни Божіей, лишеніе столь многого множества благодати Божіей, которую Онъ скрылъ боящимся Его, приготовилъ же уповающимъ на Него (Псал. 30, 20), это—такое большое наказаніе, что съ нимъ не могутъ сравниться никакія извѣстныя намъ пытки, если оно продолжается вѣчно, а эти какое угодно количество вѣковъ.

Глава СХІІІ. *Смерть нечестивыхъ и жизнь праведниковъ—безпрерывна.*—Итакъ, безъ конца будетъ продолжаться безпрерывная смерть осужденныхъ, то есть отчужденіе отъ жизни Божіей, и у всѣхъ она будетъ обща, что бы ни предполагали люди, по своимъ человѣческимъ побужденіямъ, о различіи наказаній, объ облегченіи или временномъ прекращеніи страданій; какъ будетъ безпрерывно продолжаться об-

щая у всѣхъ вѣчная жизнь святыхъ, какъ бы ни блистали они согласно различіямъ почестей.

Глава СХІV.— *Изложивши о вѣри, говоритъ о надеждѣ; то, что относится къ ней, заключается въ Молитвѣ Господней. Проклятiе надъющеюся на самого себя.*—Изъ этого исповѣданія вѣры, которое коротко содержится въ Символѣ и, рассматриваемое въ плотскомъ смыслѣ, есть молоко для младенцевъ, а по духу считается пищею взрослыхъ, изъ этого исповѣданія вѣры рождается благая надежда вѣрующихъ, сопровождаемая святою любовью. Но изъ всѣхъ предметовъ вѣры, къ надеждѣ относится только то, что заключается въ Молитвѣ Господней. „Проклятъ всякій“, какъ свидѣтельствуемъ Божественное писаніе, „кто надѣется на человека“ (Іерем. 17, 5). А поэтому и тотъ, кто надѣется на самого себя, подпадаетъ подъ это проклятiе. Слѣдовательно, кромѣ какъ у Господа Бога мы не должны просить того, что мы надѣемся или совершить надлежащимъ образомъ (—добрыя дѣла), или получить за добрыя дѣла.

Глава СХV. *Семь прошеній Молитвы Господней у Матвѣя.*—Поэтому, кажется, у евангелиста Матвѣя Молитва Господня содержитъ семь прошеній: въ трехъ изъ нихъ испрашивается вѣчное, въ остальныхъ четырехъ временное, что однако непремѣнно должно слѣдовать за вѣчнымъ. Ибо то, о чемъ говоримъ мы въ словахъ: „Да святится Имя Твое. Да придетъ царствіе Твое. Да будетъ воля Твоя и на земли, какъ на небѣ“ (что не безъ основанія нѣкоторые поняли: какъ въ духѣ и въ тѣлѣ), должно сохраняться безъ конца: неоконченное здѣсь, оно, сколько бы мы ни усовершенались, увеличивается въ насъ, а законченное, что будетъ, нужно надѣяться, въ той жизни, всегда будетъ нашимъ достояніемъ. То же, о чемъ мы говоримъ въ словахъ: „хлѣбъ нашъ насущный дай намъ на сей день, и прости намъ долги наши, какъ и мы прощаемъ должникамъ нашимъ. И не введи насъ во искушеніе, но избавь насъ отъ лу-

каваго“ (Мат. 6, 9—13), совершенно ясно для каждого, относится къ потребностямъ настоящей жизни. Итакъ въ той вѣчной жизни, гдѣ мы надѣемся быть всегда, и освященіе имени Божія и царство Его и воля Его въ нашемъ духѣ и тѣлѣ будутъ пребывать въ полнотѣ и вѣчно. Хлѣбъ же потому и названъ насущнымъ (=ежедневнымъ), что онъ необходимъ здѣсь, поскольку долженъ быть удѣляемъ душѣ и тѣлу, понимаемый или въ духовномъ смыслѣ, или въ плотскомъ, или въ томъ и другомъ видѣстѣ. Здѣсь, гдѣ есть содѣланіе грѣховъ, есть и оставленіе ихъ, котораго мы просимъ; здѣсь есть искушенія, которыя или соблазняютъ или побуждаютъ насъ ко грѣху; здѣсь, наконецъ — зло (=лукавое), отъ котораго мы стремимся освободиться; тамъ же ничего этого нѣтъ.

Глава СХVI. *У Луки только пять прошеній, но онъ согласенъ съ Матѳеемъ.*—Евангелистъ же Лука изложилъ Молитву Господню не въ семи прошеніяхъ, а въ пяти; и не потому чтобы онъ изложилъ ее совершенно иначе, чѣмъ Матѳей, а потому, что онъ только кратко напомнилъ, какъ тѣ семь прошеній должны быть понимаемы. Имя Божіе конечно святится въ духѣ, Царство же Божіе придетъ по воскресеніи плоти. Слѣдовательно, Лука, показывая, что третье прошеніе есть нѣкоторымъ образомъ повтореніе первыхъ двухъ, пропускомъ дѣлаетъ его болѣе понятнымъ. Потомъ присоединяетъ три другія прошенія: о хлѣбѣ насущномъ, объ оставленіи грѣховъ, объ избавленіи отъ искушенія. А то, что евангелистъ Матѳеемъ помѣстилъ въ самомъ концѣ: „но избави насъ отъ лукаваго“, онъ опустилъ для того, чтобы намъ понятно было, что къ этому относится сказанное выше объ искушеніи (Лук. 11, 2—4). Потому именно и говорить (Матѳей): „но избави“, а не: и избави, какъ бы показывая, что здѣсь—одно прошеніе (не то, но это); чтобы каждый зналъ, что отъ лукаваго онъ избавляется тѣмъ, что не вводится въ искушеніе.

Глава СХVII.—31. *О любви, которая должна быть вмѣстѣ съ вѣрою и надеждою. Что касается, далѣе, любви,*

которая, по словамъ апостола—больше тѣхъ двухъ, то есть вѣры и надежды (1 Кор. 13, 13), то насколько въ комъ ея больше, настолько тотъ, въ комъ она есть, лучше. И когда спрашиваютъ о человѣкѣ, хорошій ли онъ, то спрашиваютъ не о томъ, во что онъ вѣритъ, или на что надѣется, но что любитъ. Потому что кто истинно любитъ, тотъ безъ сомнѣнія истинно вѣритъ и надѣется; кто же не любитъ, тотъ напрасно вѣритъ, хотя бы предметъ его вѣры и былъ истиннымъ, напрасно надѣется, хотя бы предметъ его надежды и показывалъ путь къ истинному блаженству; развѣ только онъ вѣритъ въ то и на то надѣется, что по его просьбѣ могло бы быть дано ему, какъ предметъ любви. Потому что, хотя безъ любви онъ не могъ бы надѣяться, однако можетъ случиться, что онъ не будетъ любить то, безъ чего нельзя достигнуть предмета надежды. Напримѣръ, если будешь надѣяться на вѣчную жизнь (ее кто не любитъ?) и не будешь любить праведность, безъ которой никто не достигаетъ ея. Вѣра же во Христа, заповѣдуемая апостоломъ, есть такая вѣра, которая дѣйствуетъ любовью (Гал. 5, 6); а чего въ любви еще не имѣеть, то просить, чтобы получить, ищеть, чтобы найти, стучить, чтобы открыли ей (Мат. 7, 7). Потому что вѣра вымаливаетъ то, что законъ требуетъ. Безъ дара Божія, то есть безъ Духа Святого, которымъ изливается любовь въ сердца наши (Рим. 5, 5), законъ будетъ въ состояніи повелѣвать, но не помогать и кромѣ того дѣлать измѣнникомъ того, кто по невѣднію не можетъ оправдаться. Ибо гдѣ нѣтъ любви Божіей, тамъ царствуетъ плотская похоть.

Глава СХVІІІ. *Четыре состоянія или возраста чело-
вѣка: до закона, подъ закономъ, подъ благодатью и въ
миръ.*—Когда въ глубочайшемъ мракѣ невѣдѣнія, не встрѣ-
чая никакого противодѣйствія со стороны разума, живутъ по
влеченію плоти, это—первое состояніе челоуѣка. Потомъ,
когда черезъ законъ произойдетъ познаніе грѣха, если не по-
могаетъ пока еще Божественный Духъ, желающій жить по
закону побуждается, и зная грѣшнѣе и порабощенный слу-

жить грѣху: „ибо кто кѣмъ побѣжденъ, тотъ тому и рабъ“ (2 Пет. 2, 19), такъ какъ познаніе заповѣди приводитъ къ тому, что грѣхъ производитъ въ человѣкѣ всякую похоть, а она влечетъ за собою цѣлый рядъ преступленій, и такъ исполняется то, что написано: „законъ пришелъ послѣ, чтобы умножилось прегрѣшеніе“ (Рим. 5, 20). Это—второе состояніе человѣка. Если же Богъ призритъ на вѣру въ помощь Его для исполненія заповѣданнаго Имъ, и человѣкъ начнетъ водиться Духомъ Божиимъ, тогда болѣе твердою силою любви желаютъ противнаго плоти (Гал. 5, 17), такъ что, хотя, вслѣдствіе сохраненія еще слабости, остается то, что въ человѣкѣ противоборствуетъ ему самому, однако праведникъ живетъ вѣрою и живетъ праведно (Рим. 1, 17), поскольку, побуждаемый сладостью праведности, не уступаетъ злой похоти. Это—третье состояніе, состояніе благой надежды человѣка. Если каждый, стойко пребывая въ немъ, преуспѣваетъ въ благочестіи, въ концѣ концовъ настаетъ миръ, который послѣ этой жизни восполнится въ спокойствіи духа, а потомъ и въ воскресеніи плоти. Первое изъ этихъ четырехъ состояній есть состояніе до закона, второе—подъ закономъ, третье—подъ благодатью, четвертое—въ полномъ и совершенномъ мирѣ. По такимъ періодамъ времени распределенъ былъ и народъ Божій, какъ было угодно Богу, расположившему все мѣрою, числомъ и вѣсомъ (Прем. 11, 21). Сначала онъ существовалъ до закона, потомъ былъ подъ закономъ, даннымъ чрезъ Моисея (Іоан. 1, 17), потомъ—подъ благодатью, открытою первымъ пришестіемъ Ходатая. Эта благодать не отсутствовала и прежде у тѣхъ, кому нужно было подавать ее, хотя сообразно съ распределеніемъ времени—потаянная и скрытая. Ибо никто изъ древнихъ праведниковъ не могъ достигнуть спасенія безъ вѣры во Христа, или же, если и имъ Онъ не былъ извѣстенъ, то намъ могъ быть предуказываемъ чрезъ служеніе ихъ то болѣе ясно, то болѣе прикровенно.

Глава СХІХ. *Возрожденіе въ каждомъ возрастѣ уничтожаетъ все грѣхи. Рабство подѣ законамъ нѣкоторыми не испытано.*—Въ какомъ изъ этихъ четырехъ, какъ бы возрастовъ, благодать возрожденія заставитъ извѣстнаго человѣка, тогда ему и отпускаются все прошлые грѣхи, и виновность, пріобрѣтенная вмѣстѣ съ рожденіемъ, снимается возрожденіемъ. И такое большое значеніе имѣетъ то, что „Духъ, гдѣ хочетъ, дышитъ“ (Іоан. 3, 8), что нѣкоторые не узнаютъ того второго рабства подѣ законамъ, но одновременно съ заповѣдью начинаютъ имѣть божественную помощь.

Глава СХХ. *Возрожденные, умирающіе прежде сознательной жизни, не погибаютъ.*—Прежде чѣмъ человѣкъ можетъ стать способнымъ воспринимать заповѣдь, онъ необходимо живетъ сообразно съ плотью; но если онъ уже омытъ таинствомъ возрожденія, то ничего не теряетъ, если я теперь отойдетъ изъ этой жизни. „Ибо Христосъ для того и умеръ, и воскресъ, чтобы владычествовать и надъ живыми, и надъ мертвыми“ (Рим. 14, 9); и не будетъ держать царство смерти того, за кого умеръ Онъ, свободный среди мертвыхъ (Псал. 87, 6).

Глава СХХІ.—32. *Цѣль всѣхъ заповѣдей — любовь* Итакъ, все божественное учене направляется къ любви, о которой апостолъ говоритъ: „цѣль же назиданія есть любовь отъ чистаго сердца и доброй совѣсти и нелицемпрной въры“ (1 Тим. 1, 5). Итакъ, цѣль всякой заповѣди есть любовь, то есть всякая заповѣдь направляется къ любви. Если же или изъ страха наказанія, или по какому-нибудь плетскому побужденію бываетъ такъ, что она (заповѣдь) не направляется къ той любви, которую изливаетъ Духъ Святый въ сердца наши (Рим. 5, 5), то она еще не исполняется надлежащимъ образомъ, хотя и кажется, что исполняется. Любовь эта есть именно любовь къ Богу и ближнему; и именно „на этихъ двухъ заповѣдяхъ утверждается весь законъ и пророки“ (Мат. 22, 40). Возьми Евангеліе, возьми апостоловъ; вѣдь не откуда нибудь еще—этотъ голосъ:

„цѣль назиданія есть любовь“ (1 Тим. 1, 5) и „Богъ любовь есть“ (1 Иоан. 4, 16). Слѣдовательно, все, что заповѣдуетъ Богъ, напримѣръ: „не прелюбодѣйствуй“ (Мат. 5, 27), и все, что не повелѣвается, но предлагается въ качествѣ совѣта, напримѣръ: „хорошо человеку не касаться женщины“ (1 Кор. 7, 1),—все это правильно исполняется тогда, когда направляется къ любви Бога и ближняго ради Бога, и въ этомъ вѣкъ, и въ будущемъ; Бога—теперь посредствомъ вѣры, тогда посредствомъ видѣнія, и самого ближняго—теперь посредствомъ вѣры. Ибо мы смертные не знаемъ сердца смертныхъ, тогда же „освятитъ Господь скрытое во мракъ и обнаружитъ сердечныя намѣренія; и каждому будетъ похвала отъ Бога“ (1 Кор. 4, 5); потому что предметомъ похвалы и любви однимъ ближнимъ въ другомъ будетъ то, что въ цѣляхъ открытія будетъ освѣщаться Самимъ Богомъ. Похоть же уменьшается по мѣрѣ возрастанія любви до тѣхъ поръ, пока эта послѣдняя дойдетъ здѣсь до такой высоты, больше какой не можетъ быть: „большей же любви никто не имѣетъ, какъ если кто положитъ душу свою за друзей своихъ“ (Иоан. 15, 13). Тамъ же, гдѣ не будетъ никакой похоти, кто укажетъ, какова тамъ будетъ любовь? Вѣдь когда не будетъ никакого притязанія со стороны смерти, тогда будетъ высшее совершенство.

Глава СХХІІ.—*Заключеніе книги.* Но пусть будетъ когда-нибудь и конецъ этому произведенію, о которомъ ты самъ будешь судить, долженъ ли ты его называть или считать энхиридиономъ. Я же, не считая нужнымъ отвергать твое усердіе во Христѣ, съ вѣрою во благо для тебя, съ надеждою на помощь нашего Искупителя и съ любовью къ тебѣ большею, чѣмъ къ какому-либо другому изъ членовъ Его, написалъ, насколько былъ въ силахъ, тебѣ книгу, о если бы столь и полезную, какъ пространную, о вѣрѣ, надеждѣ и любви.